

A movie poster featuring a man and a woman in period clothing. The man, on the left, is wearing a dark suit, a white shirt, a patterned tie, and a black bowler hat. He is looking towards the woman on the right. The woman is wearing a light-colored, high-collared dress with a full skirt and a long necklace. She is also looking towards the man. They are standing in a room with a large window in the background, which has red curtains and a decorative glass top. The lighting is warm and soft. The text 'Сергей Матрушев' is at the top, and 'Секрет Императора' is at the bottom, both in a white, elegant script font.

Сергей Матрушев

*Секрет
Императора*

Сергей Патрушев

Секрет Императора

«Автор»

2026

Патрушев С.

Секрет Императора / С. Патрушев — «Автор», 2026

Империя Аэллар, где магия привилегия избранных, а интриги оружие сильнейших. Ассасин и детектив Тайлер получает заказ от таинственного Кукольника: вывести секрет, который император Драго III хранит двадцать лет. Аванс — мешок золота, неустойка — смерть, но задание оказывается не просто опасным, оно воскрешает тени его собственного прошлого. Проникнув во дворец под чужой личиной, Тайлер погружается в мир лжи, запретной магии и придворных интриг. Император слишком молод для своих лет, императрица прячет шрамы от магических ожогов, а по ночам за дверью спальни звучат два голоса, принадлежащие одному человеку. Каждый шаг приближает Тайлера к истине, которая способна уничтожить империю, но когда правда наконец откроется, ему придётся выбирать: выполнить контракт, спасти трон или сохранить тайну, став её единственным хранителем.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел на ветру.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Патрушев

Секрет Императора

Глава 1. Пепел на ветру.

Дождь обрушился на Нижний город сразу после полуночи. Это не было тихое, убаюкивающее моросяние, какое обычно шепчет о скором конце осени. Нет, с небес низверглись тугие, ледяные потоки, словно само небо решило смыть с узких, извилистых улочек всю грязь, накопившуюся за день. Вода с глухим, непрекращающимся гулом барабанила по черепичным крышам, стекала по покосившимся водосточным трубам и с бульканьем исчезала в переполненных сточных канавах, унося с собой отбросы, щепки и прочий мусор в мутные воды реки Тайбер. В такие ночи город, обычно шумный и беспокойный, затихал, погружаясь в тревожный, беспокойный сон, и на его пропитанных сыростью улицах оставались лишь те, кому нечего было терять, и те, кто охотился на первых. Даже вездесущие крысы, эти серые призраки подворотен, двигались осторожнее, прижимаясь к стенам и нервно поводя усами, словно понимая, что тьма в эту ночь принадлежит не только им.

Тайлер знал это время лучше, чем лицо собственной матери, которое с годами стерлось из его памяти, оставив лишь смутный, размытый образ. Это время было его домом, его защитой, его рабочим кабинетом. Оно укрывало его, прятало в своих тенях, позволяло двигаться бесшумно и видеть то, что скрыто при свете дня. За пятнадцать лет, прошедших с того дня, как он впервые взял в руки клинок с осознанной целью, а не для того, чтобы просто нарезать хлеб, он научился слышать тишину. Это было особое искусство — различать в кажущемся безмолвии малейшие оттенки, как опытный музыкант различает ноты в сложной симфонии: вот где-то далеко скрипнула несмазанная петля, вот по булыжной мостовой прошелестели чьи-то мягкие, крадущиеся шаги, вот в подворотне коротко вскрикнула и тут же затихла кошка, поймавшая свою добычу. Сейчас эта тишина была спокойной, почти умиротворённой, ровной, как дыхание спящего человека, и это спокойствие передавалось Тайлеру, хотя он никогда не позволял себе расслабиться до конца.

Он сидел за грубо сколоченным деревянным столом в своей небольшой комнате на втором этаже обветшавшего доходного дома, затерявшегося в лабиринте кривых улочек Нижнего города, и пересчитывал серебро. За окном медленно умирал очередной день, и вместе с ним уходили в прошлое все дневные заботы, страхи и надежды обитателей этого гигантского каменного муравейника. Комната, служившая Тайлеру одновременно спальней, кабинетом и убежищем, была невелика и обставлена с аскетичной простотой человека, который не привязан к вещам и готов в любой момент сорваться с места. Узкая кровать с продавленным матрасом, накрытым грубым шерстяным одеялом, была заправлена с военной аккуратностью. В углу стоял небольшой сундук, окованный железными полосами, а у стены — покосившаяся вешалка с запасным плащом. Единственным источником света служила сальная свеча, стоявшая в треснувшем глиняном подсвечнике; её неровное, колеблющееся пламя отбрасывало на стены причудливые, дрожащие тени, которые, казалось, жили своей собственной, тайной жизнью.

Тридцать семь имперских талеров лежали на столешнице неровными столбиками — три стопки по десять и одна, последняя, из семи. Монеты были старыми, потёртыми, с почти стёршимися профилями предыдущего императора, Драго II, чьё недолгое и бездарное правление

запомнилось народу главным образом неурожаями, эпидемиями и чередой бессмысленных, кровопролитных войн на восточных границах. Тайлер взял одну монету, поднёс её к самому пламени свечи и внимательно осмотрел, щурясь от яркого света. Серебро было подлинным, честным серебром из западных рудников — не разбавленным свинцом, не подрезанным по краям, не покрытым тонким слоем благородного металла поверх дешёвой медной основы. Это была редкость, почти аномалия в Нижнем городе, где за последние годы расплодилось столько фальшивомонетчиков, что даже опытные менялы порой ошибались, принимая ловко сделанную подделку за настоящую монету. Тайлер провёл ногтем по гурту, прислушался к едва уловимому, чистому звону металла, который мог издать только качественный сплав. Чисто. Он удовлетворённо хмыкнул, отложил монету в сторону и снова, на этот раз медленно, с расстановкой, пересчитал остальные. Тридцать семь. Ровно столько стоила жизнь купца второй гильдии по имени Марк Аврелий Кассиан, имевшего неосторожность задолжать не тем людям и перейти дорогу не тем интересам. Это был заказ простой, чистый, без лишних сложностей и ненужного драматизма: войти, дождаться, нанести один точный, выверенный удар, уйти незамеченным. Именно такие задания Тайлер предпочитал всем остальным — они не оставляли следов, не создавали проблем и не будили лишних вопросов. Они были, если можно так выразиться, гигиеничными. За пятнадцать лет он выполнил их больше, чем мог вспомнить, и каждый раз после завершения чувствовал одно и то же: глухую, всепоглощающую пустоту, похожую на бездонный колодец, в который можно падать вечно, так и не достигнув дна, и усталость, проникающую до самых костей, до мозга, до той точки, где заканчиваются человеческие чувства и начинается ледяная механика выживания.

Он не испытывал ни сожаления, ни удовлетворения, ни раскаяния. Эти эмоции, казалось, были выжжены из него давным-давно, ещё в ранней юности, когда он впервые понял, что смерть — это просто работа, а работа — это просто способ выжить в мире, который не оставил ему иного выбора. Мир Империи Аэллар был жесток и несправедлив, он делил людей на тех, кто рождался под золотыми балдахинами и с серебряной ложкой во рту, и тех, кто появлялся на свет в грязных подвалах, на сырой соломе, среди крысиного писка и пьяных криков. Он делил людей на тех, кто имел право на магию, передаваемую по наследству и тщательно охраняемую, и тех, кому за одно лишь упоминание о ней все грозила каторга или очищающий костёр на центральной площади. Тайлер принадлежал ко второй категории, и за годы жизни в этом мире он усвоил главный, непреложный закон: выживает не самый сильный и не самый умный, а тот, кто умеет вовремя исчезнуть, стать невидимым, слиться с тенью, стать её частью. Он довёл это умение до совершенства, граничащего с искусством. Он превратил своё тело в послушный, отлаженный инструмент, а разум — в холодную, расчётливую машину, не знающую колебаний и сомнений. И всё же где-то глубоко внутри, за всеми этими защитными стенами, за годами тренировок, крови и боли, за бесчисленными смертями, к которым он приложил руку, продолжала тлеть крошечная, едва заметная искра — не то воспоминание, не то тень воспоминания о том, кем он был до того, как стал тем, кем стал.

Он уже собирался затушить свечу и забыться коротким, тяжёлым сном без сновидений, который был единственной доступной ему формой отдыха, когда в дверь постучали. Звук был тихим, но отчётливым, и в нём было нечто такое, что заставило Тайлера мгновенно напрячься, как натянутую струну. Три быстрых удара, короткая пауза, два медленных. Код Старой Гильдии. Той самой, которой не существовало уже двенадцать лет, с тех самых пор, как имперская тайная стража провела серию скоординированных ночных облав, ворвавшись одновременно в десятки убежищ и вырезав почти всех её членов, не щадя ни стариков, ни учеников. Это была бойня, о которой до сих пор шептались в тёмных углах таверн, но никогда — громко. Тайлер был одним из немногих, кому удалось уйти в ту ночь, — благодаря своему звериному

чутью, которое редко его подводило, и способности предвидеть опасность за несколько минут до того, как она становилась неизбежной. Он не верил в предчувствия, считал их проявлением обострённого, натренированного восприятия, но не мог отрицать, что в ту ночь, двенадцать лет назад, что-то заставило его не пойти на общее собрание гильдии, которое закончилось кровавой резнёй. Какое-то смутное, необъяснимое беспокойство, какое-то ощущение, что воздух в тот вечер был слишком плотным, слишком сладким, слишком опасным.

Рука Тайлера скользнула под стол, к рукояти метательного ножа, спрятанного в специальном пазу, вырезанном в толстой деревянной столешнице так искусно, что обнаружить его мог только тот, кто знал, куда смотреть, или тот, кто был готов перевернуть весь стол вверх дном. Нож был его старым другом, верным и безотказным, с клинком из закалённой стали, отполированным до зеркального блеска, и рукоятью, обтянутой потемневшей от многолетнего пота кожей. Тайлер мог метнуть его с точностью, которая казалась почти сверхъестественной, попадая в узкую щель между доспехами или в глаз противника с расстояния в двадцать шагов. Но сейчас он не спешил. Вместо этого он замер, превратившись в статую, и прислушался к звукам за дверью, стараясь дышать ровно и бесшумно. Дождь стучал по крыше, ветер завывал в щелях старых оконных рам, и в этом шуме трудно было различить шаги или дыхание, но Тайлер умел выделять главное из общего хора звуков. За дверью стоял один человек. Он не переминался с ноги на ногу, не шаркал, не кашлял, не зевал — стоял неподвижно, как статуя, и это было самым тревожным. Обычный человек, ожидая, когда ему откроют, не может стоять так тихо. В нём всегда есть какое-то движение — нервное, бессознательное, выдающее его присутствие. Этот же человек, казалось, вообще не дышал.

После долгой паузы стук повторился — на этот раз с лёгким, почти неуловимым смещением ритма, словно стучавший знал, что за дверью слушают, и хотел показать, что он тоже умеет ждать, что у него тоже есть время, и что он не уйдёт, пока не добьётся своего. Тайлер бесшумно поднялся со стула, пересек небольшую комнату и встал сбоку от дверного косяка, так, чтобы его не было видно в щель, если бы гость вздумал заглянуть внутрь. Половицы под его ногами не скрипнули — он знал, на какие именно места нужно наступать, чтобы двигаться абсолютно бесшумно, и это знание, отточенное годами практики, не раз спасало ему жизнь. В комнате было темно, лишь колеблющееся пламя догорающей свечи отбрасывало на стены причудливые, пляшущие тени, и Тайлер чувствовал себя частью этой тьмы, её продолжением, её естественным обитателем, выросшим в ней и научившимся использовать её как оружие.

— Кто? — его голос прозвучал глухо, словно он говорил сквозь сжатые зубы, и в нём не было ни тени страха, ни тени любопытства — только холодная, ледяная настороженность, доведённая до автоматизма, ставшая его второй натурой.

— Ветер с востока приносит новости, — ответил из-за двери тихий, лишённый интонаций голос, спокойный и ровный, как поверхность застывшего пруда. — Открой, Тайлер. У меня нет времени на игры.

Он узнал этот голос. Или, точнее, узнал манеру говорить — так разговаривали люди, привыкшие отдавать приказы и не привыкшие их повторять, люди, для которых время было ценнее золота, а слова — дороже жизни. В этом голосе не было прямой угрозы, но была спокойная, непоколебимая уверенность, свойственная тем, кто знает, что за ними стоит сила. И всё же Тайлер не мог избавиться от смутного, липкого ощущения, что этот голос он уже слышал раньше — возможно, много лет назад, в другой жизни, которая теперь казалась ему чужим, полузабытым сном.

Он отодвинул засов — старую железную щеколду, которую сам приделал к двери после того, как в его предыдущую квартиру, расположенную в ещё более сомнительном районе, вломились грабители, решившие, что одинокий, нелюдимый постоялец станет лёгкой добычей. Тот случай стоил грабителям жизни, а Тайлеру — переезда и дополнительной осторожности. Щеколда была грубой, некрасивой, но надёжной, и сейчас она поддалась с глухим, протяжным скрежетом, который в ночной тишине прозвучал особенно громко, как выстрел. Тайлер приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы видеть ночного гостя, но не дать ему возможности рвануться внутрь или просунуть руку. На пороге стоял человек в длинном дорожном плаще из плотной, тёмной, водоотталкивающей ткани с глубоко надвинутым капюшоном. Капли дождя стекали с его полы, образуя у ног тёмную лужицу, которая в мерцающем, неверном свете свечи казалась не водой, а расплзающейся лужей крови. Лицо незнакомца скрывала густая тень, но Тайлер заметил тонкие, почти бескровные губы и острый, волевой подбородок, лишённый даже намёка на щетину. Пахло от гостя не мокрой шерстью, как можно было ожидать от человека, проделавшего долгий путь под проливным дождём, а чем-то сладковатым и одновременно терпким — ладаном, смешанным с сушёными травами, возможно, с добавлением редких, дорогих специй, которые в империи могли позволить себе только очень богатые люди.

— Входи, — Тайлер отступил в сторону, но ножа не убрал, продолжая сжимать его рукоять с той же небрежной, обманчивой лёгкостью, с какой другие держат перо или ложку. Он не собирался расслабляться в присутствии незнакомца.

Гость переступил порог, и свеча замигала, словно испугавшись его присутствия. Пламя дёрнулось, затрепетало, на мгновение уменьшилось почти до точки, а затем снова разгорелось, но уже неровно, с едва заметным синим отливом у самого основания фитиля. Тайлер машинально отметил это как ещё одну странность, хотя не придавал ей особого значения — в старых домах, где гуляли сквозняки, пламя могло вести себя непредсказуемо. Гость снял капюшон, открывая лицо человека лет пятидесяти с глубокими, резкими морщинами, расходящимися от уголков глаз, и аккуратно подстриженной седой бородкой, обрамлявшей узкие, жёстко очерченные губы. Его волосы, тоже седые, были собраны на затылке в тугую, аккуратную узел, скреплённый простой костяной шпилькой. Одет он был в тёмно-серый камзол дорогого сукна, застёгнутый до самого горла, но без единого знака отличия или герба — так одевались либо доверенные слуги знатных домов, либо те, кто не хотел привлекать внимания и имел на то веские причины. На пальцах незнакомца не было колец, на шее — цепей или амулетов, и эта нарочитая, почти вызывающая простота сама по себе была признаком: человек настолько уверен в своём положении и в своей безопасности, что не нуждается во внешних атрибутах власти или защиты.

— Уютно у тебя, — произнёс гость, оглядев комнату с откровенным пренебрежением, смешанным с холодным, оценивающим любопытством. — Хотя для человека с твоей репутацией я ожидал чего-то более... внушительного. Говорят, ты лучший в своём деле. А живёшь как нищий монах-отшельник.

— Репутация не греет, — Тайлер закрыл дверь и вернулся к столу, но садиться не стал, предпочитая стоять так, чтобы между ним и гостем всегда оставалось не менее трёх шагов. Он не знал, кто этот человек и на что он способен, а в таких ситуациях он предпочитал держаться на безопасном расстоянии. — И не кормит. Кто ты и что тебе нужно?

Гость медленно обвёл взглядом комнату, задержавшись на грубо оштукатуренных, местами потрескавшихся стенах, на узкой кровати, заправленной с военной аккуратностью, на единственном стуле и столе, на тёмных пятнах сырости, проступавших в углах. Его лицо не выражало ни брезгливости, ни сочувствия — только спокойное, почти клиническое внимание, с каким врач осматривает пациента или следователь — место преступления. Затем он снова посмотрел на Тайлера, и в его глазах, серых, как осеннее небо перед бурей, мелькнуло нечто похожее на отстранённое одобрение.

— Меня зовут Орвин, — сказал он наконец, растягивая слова, словно дегустируя их на вкус. — Я представляю интересы человека, которого ты никогда не видел и, скорее всего, никогда не увидишь. Можешь называть его Кукольником, если тебе нужно имя.

Тайлер почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к ночной сырости. Он слышал это имя — Кукольник. Оно всплывало в пьяных, заплетающихся разговорах наёмников в тёмных, прокуренных углах таверн, в нервных исповедах контрабандистов, в предсмертном бреде тех, кого уже нельзя было спасти. Кукольник. Человек-легенда, человек-миф, существо, в существование которого верили и не верили одновременно. Никто не знал, существует ли он на самом деле, но все боялись произносить его имя вслух, словно одно упоминание могло привлечь его внимание. Говорили, что он дёргает за ниточки, управляя судьбами империи так же легко, как кукловод управляет марионетками, что его глаза и уши есть в каждом доме, в каждом дворце, в каждом храме. Говорили, что он знает всё о каждом, кто имеет хоть какую-то власть в Аэлларе, что его архивы содержат секреты, способные уничтожить целые династии. Говорили, что его не видел никто, но его присутствие ощущали все — как ощущают невидимый взгляд в темноте или холодное дуновение в наглухо закрытой комнате. И вот теперь человек, называющий себя его посланником, стоял в комнате Тайлера, в самом сердце Нижнего города, среди запахов гнили, сырости и дождя, и говорил о работе.

— И что же нужно Кукольнику от скромного исполнителя чужих приговоров? — Тайлер старался говорить ровно, не выдавая волнения, но внутри уже звенела натянутая струна, вибрируя на частоте, которую он узнал слишком хорошо. Так его тело реагировало на опасность — не паникой, не выбросом липкого страха, а холодной, ледяной сосредоточенностью, превращавшей мир в череду чётких, выверенных, почти математических движений.

— У него для тебя работа, — Орвин извлёк из-под плаща небольшой кожаный мешочек и небрежно бросил на стол. Мешочек упал с глухим, тяжёлым стуком, который сказал Тайлеру больше, чем любые слова. Такой звук издаёт золото — не серебро, не медь, а именно золото, плотное и тяжёлое, с характерным низким, густым отзвуком. — Это аванс. Половина. Остальное — по завершении.

Тайлер не спешил прикасаться к мешочку. Вместо этого он внимательно изучал лицо гостя, пытаясь прочесть в нём хоть что-то, кроме высокомерного, непроницаемого спокойствия. Орвин не выглядел нервничающим или напуганным. Он вёл себя как человек, абсолютно уверенный в своей безопасности, и это настораживало больше всего. В Нижнем городе не было безопасных мест, особенно для тех, кто разбрасывался золотом, и если Орвин не боялся, значит, у него были веские причины для этой уверенности. Возможно, за дверью ждали сообщники. Возможно, он сам был опаснее, чем казался на первый взгляд. Возможно, то и другое вместе.

— Я не беру заказы вслепую, — наконец произнёс Тайлер, тщательно подбирая слова, стараясь не выдать своего любопытства. — Сначала я должен знать, что требуется. Я не наёмный убийца, который хватается за любой мешочек с монетами, не спрашивая, чью кровь ему придётся пролить.

— О, это не заказ на убийство, — Орвин позволил себе лёгкую улыбку, похожую на трещину в камне — внезапную и не предвещающую ничего хорошего. — Если бы речь шла об устранении, Кукольник обратился бы к кому-нибудь попроще. Кому-нибудь, кого не жалко потерять. Нет, задача иная. Ты должен вывести секрет.

— У кого? — Тайлер прищурился, чувствуя, как внутри него нарастает напряжение.

— У императора Драго III.

На несколько секунд в комнате повисла густая, почти осязаемая тишина, нарушаемая только монотонным стуком дождя за окном и тихим потрескиванием догорающей свечи. Тайлер почувствовал, как губы невольно растягиваются в улыбке — не потому, что ему было смешно, а потому, что абсурдность предложения требовала хоть какой-то реакции. У императора. У самого охраняемого человека в империи. У того, кто не покидает Золотой Чертог без сотни гвардейцев, чьи покои защищены магическими барьерами, о которых ходят легенды, способные напугать даже бывалых магов. У человека, чьё имя произносят с благоговением, чьё изображение чеканят на монетах, чью волю исполняют как закон богов. Вывести у него секрет. Секрет, который он хранит двадцать лет. Секрет, о котором не знает никто — или почти никто.

— Ты сумасшедший, — сказал он наконец, и в его голосе не было ни страха, ни гнева, только усталое недоумение. — Или твой Кукольник сумасшедший. Или вы оба сумасшедшие. Вывести секрет у императора? Ты понимаешь, о чём просишь? Это всё равно что попросить меня достать луну с неба или вычерпать океан ложкой. Император — сакральная фигура, его охраняют не только люди, но и магия, древняя, запретная, о которой простым смертным не положено даже знать. Если бы это было возможно, кто-нибудь уже сделал бы это.

— Возможно, кто-нибудь уже пытался, — спокойно ответил Орвин, пожимая плечами. — Возможно, многие пытались. И все они мертвы. Поэтому Кукольник и выбрал тебя — не потому, что ты лучший, хотя ты действительно неплох, а потому, что у тебя есть то, чего не было у других. Или, точнее, то, чего у других уже нет.

Тайлер нахмурился, чувствуя, как в словах гостя зреет какой-то скрытый, невысказанный намёк. Что-то личное, что-то, касающееся его самого. Что-то, о чём он, возможно, даже не догадывается. Но Орвин, судя по всему, не собирался вдаваться в подробности, и расспрашивать его было бы пустой тратой времени. Люди, подобные Орвину, говорили ровно столько, сколько считали нужным, и ни словом больше. Они умели хранить секреты, и этот навык был у них в крови.

— Выслушай до конца, — продолжил Орвин, словно почувствовав колебания Тайлера, его внутреннюю борьбу между осторожностью и любопытством. — Двадцать лет назад, сразу после коронации, Драго III сделал нечто такое, что изменило ход истории империи. Никто не знает, что именно. Никто из тех, кто был рядом с ним в ту ночь, не дожил до рассвета. Архивы за тот период уничтожены или засекречены так глубоко, что даже Кукольник не смог до них добраться. Но есть то, что не скроешь ни за какими печатями. Есть люди, которые помнят.

Есть слухи, обрывки разговоров, случайные оговорки, доносы, исповеди. И все они указывают на одно: император хранит секрет, который может стоить ему короны. Или жизни. Или того и другого.

Тайлер слушал молча, не перебивая, позволяя словам Орвина оседать в его сознании, как оседает дорожная пыль после проезда кареты. В его голове уже начали складываться первые версии, первые предположения, первые обрывки возможных планов. Профессиональная привычка — раскладывать любую информацию по полочкам, искать связи, выстраивать логические цепочки, просчитывать варианты. Двадцать лет назад. Коронация. Что-то произошло. Что-то, о чём не знает никто. Что-то, что может уничтожить императора. Но что именно? И почему Кукольника это волнует? И почему он выбрал именно его, Тайлера?

— И ты хочешь, чтобы я его выкрал? Выведал? Каким образом? Проникнул во дворец? Втёрся в доверие к придворным? Подслушал разговоры, которые ведутся за закрытыми дверями? — Тайлер говорил быстро, резко, словно выплёвывая слова, но внутри него уже начал пробуждаться интерес — тот самый азарт, который он давно считал похороненным под грудой цинизма и усталости.

— Это уже твоя забота, — Орвин снова пожал плечами, и это движение было настолько естественным и одновременно аристократичным, что Тайлер невольно задумался, кем на самом деле был его гость. Он двигался, как человек, привыкший к роскоши и комфорту, но говорил, как человек, привыкший к интригам и тайнам. — Ты известен тем, что используешь нетривиальные методы. Ты ассасин и детектив в одном лице. Ты умеешь находить то, что другие считают недоступным. Ты проникаешь туда, куда не проникают другие. Поэтому Кукольник и выбрал тебя. Ему нужен не просто исполнитель, а мыслитель, стратег, человек, способный видеть то, что скрыто от обычного глаза.

Тайлер медленно обошёл стол и остановился у окна, глядя на мутные потоки дождя, стекающие по стеклу. Дождь усилился, и теперь вода сплошной пеленой закрывала вид на улицу, искажая очертания спящего города, превращая его в размытое, сюрреалистичное полотно. Где-то далеко, на холме, возвышались шпили Золотого Чертога — резиденции императора, символа его власти и величия. Даже отсюда, из Нижнего города, эти шпили, подсвеченные магическими огнями, казались чем-то нереальным, принадлежащим другому миру. Миру, в котором не было места таким, как Тайлер. Миру, в котором магия была не запретным искусством, а повседневной реальностью, а решения принимались не ножом в тёмном переулке, а росчерком пера на пергаменте, скреплённым императорской печатью.

Он думал о том, что этот заказ — не просто работа. Это вызов. Дерзкий, почти самоубийственный вызов. Это возможность сделать то, что никто не делал до него. Это шанс прикоснуться к тайне, которая определяла судьбы миллионов людей, к тайне, которая, возможно, была связана с его собственным прошлым. И, возможно, — только возможно — это шанс найти ответы на вопросы, которые мучили его двадцать лет.

— Допустим, я соглашусь, — произнёс он, не оборачиваясь, продолжая смотреть на шпили Золотого Чертога. — Что будет, если я не справлюсь?

— А вот это хороший вопрос, — в голосе Орвина впервые появилось нечто похожее на одобрение, смешанное с холодной угрозой. — Неустойка — смерть. Не только твоя, но и тех, кто тебе дорог. У Кукольника нет времени на повторные попытки и нет терпения для

объяснений. У тебя будет три месяца. Если за это время ты не принесёшь ему секрет — тебя найдут. Где бы ты ни прятался, как бы ни менял имена и лица. Найдут и убьют. Медленно. И всех, кто знал тебя, — тоже.

Тайлер повернулся к гостю. В его глазах не было страха — только холодная, расчётливая концентрация. Он уже прокручивал в уме варианты, оценивал риски, искал лазейки. Отказаться — значит, умереть сегодня. Согласиться — возможно, умереть через три месяца. Но между этими двумя смертями есть три месяца жизни и аванс в золоте. Кроме того, отказ означал бы, что он так и не узнает правду. А правда была тем единственным, ради чего он всё ещё продолжал дышать, тем топливом, которое питало его волю к жизни.

— Слишком много вопросов, на которые у меня нет ответов, — сказал он, скрестив руки на груди. — Как я попаду во дворец? Как я узнаю, что ищу? Что за секрет? Ты даёшь мне три месяца и ждёшь невозможного.

— Секрет, который император хранит уже двадцать лет, — Орвин говорил медленно, словно наслаждаясь каждым словом, словно смакуя их на языке, как старый ценитель смакует выдержанное вино. — Секрет, касающийся его самого. Ходят слухи, что Драго III не тот, за кого себя выдаёт. Что человек, сидящий на троне, — не истинный наследник династии. Что коронация двадцать лет назад была... сфальсифицирована.

Тайлер выслушал это заявление с каменным лицом, но внутри у него всё похолодело. Он слышал разные слухи об императоре — о его жестокости, о его странностях, о его болезненной подозрительности. Но то, что сказал Орвин, было не просто слухом. Это было обвинение в государственной измене, в узурпации власти, в преступлении, за которое полагалась самая страшная казнь, какую только могло изобрести имперское правосудие. Если это правда, то секрет Драго III стоил не просто короны. Он стоил головы. И не только его собственной, но и голов всех, кто был замешан в этом заговоре.

— Это безумие, — Тайлер покачал головой. — Император — сакральная фигура. Его право на трон подтверждено Церковью, магическим советом, древними ритуалами. Если бы хоть что-то было не так, это давно бы всплыло. Двадцать лет — слишком долгий срок для такой тайны. Слишком много людей знали бы о ней.

— Именно поэтому задача и стоит перед тобой, — перебил Орвин, и в его голосе впервые послышались стальные нотки. — Потому что всё выглядит именно так, как должно. Слишком правильно. Слишком гладко. Кукольник не верит в совпадения и не верит в безупречность. Если секрет существует — а он существует — то есть и способ его раскрыть. И ты этот способ найдёшь.

Тайлер вернулся к столу и наконец взял мешочек. Потянул за шнурок, заглянул внутрь. Золото. Настоящее имперское золото с профилем Драго III — тем самым профилем, который, если верить слухам, мог принадлежать не тому человеку. Монеты были новенькими, без единой царапины, словно только что отчеканенные. Но Тайлер знал, что чеканка этого года — а на монетах стоял именно этот год — ещё не поступала в общее обращение. Такие деньги были только у приближённых к трону, у высшей аристократии, у тех, кто имел доступ к императорской казне. И то, что они оказались в мешочке, брошенном на стол простому наёмнику в Нижнем городе, говорило о многом.

— Ты понимаешь, что оставляешь след, — сказал он, глядя на Орвина. — Монеты этого года. Если меня поймают с ними...

— Тебя не поймают с ними, — спокойно ответил Орвин. — Ты потратишь их, переплавишь, обменяешь — что угодно. Это не моя забота. Моя забота — передать задание и аванс. Что ты будешь делать дальше — твоё дело.

Орвин сделал шаг к двери, но остановился на полпути, и Тайлер заметил, как изменилась его поза — стала более собранной, более напряжённой, словно он вспомнил о чём-то важном.

— Один совет, — произнёс он, не оборачиваясь, и его голос прозвучал глухо, словно доносился из-под капюшона. — Начни с архивов Храма Всеединого. У святош есть старые записи, которые они не показывают даже имперским дознавателям. Но будь осторожен: если Кукольник знает о задании, то могут узнать и другие. Императорская тайная стража не дремлет. Особенно сейчас.

— Сейчас? Что происходит сейчас?

Орвин обернулся, и в его глазах блеснул отблеск свечи — жёлтый, нечеловеческий, настолько яркий, что Тайлер на мгновение усомнился в том, что его гость — человек. Это могло быть игрой света, но отблеск был слишком насыщенным, слишком живым, словно в зрачках Орвина горел собственный огонь.

— Через два месяца в Аэлларе будет праздноваться двадцатая годовщина коронации Драго III. По такому случаю в столицу съедутся все, кто имеет хоть какой-то вес в империи. Вся знать, всё духовенство, все иностранные послы. Город будет кипеть. Это идеальное время для того, чтобы затеряться в толпе. И идеальное время для того, чтобы секрет — если он существует — напомнил о себе.

Орвин вышел, не прощаясь. Дверь закрылась за ним с тихим, почти неслышным стуком, и Тайлер остался один в комнате, пропахшей ладаном и дождём. Он долго стоял без движения, глядя на мешочек с золотом, лежащий на столе. В голове крутились обрывки разговора, всплывали вопросы, множились сомнения. Кукольник. Император. Секрет. Двадцать лет. Три месяца. Смерть. Все эти слова сплетались в тугой узел, который ему предстояло распутать — или погибнуть, пытаясь это сделать.

Затем он подошёл к окну и посмотрел на шпили Золотого Чертога, едва различимые в ночной мгле. Дождь продолжался, заливая город холодной водой, смывая с улиц следы дневной жизни. Где-то вдалеке прозвучал колокол — низкий, утробный звук, отсчитывающий часы до рассвета. Тайлер знал, что этот звук означает начало нового дня, но для него время уже остановилось. Он стоял на пороге чего-то огромного, непостижимого, и не мог решить, шагнуть вперёд или отступить.

Двадцать лет. Двадцать лет император хранит секрет, который может стоять ему трона. Двадцать лет кто-то знает правду — или догадывается о ней. И теперь Кукольник, человек из тени, дёргающий за ниточки, хочет, чтобы Тайлер размотал этот клубок.

Страх? Нет. Тайлер почти не ощущал страха — эта эмоция была выжжена из него годами тренировок и ещё большим количеством лет практики. Но было кое-что другое. Нечто, дремавшее в самой глубине его памяти. Личная месть.

Драго III. Император. Сакральная фигура, окружённая почитанием и магической защитой. Человек, которого Тайлер никогда не видел вблизи, но чьё имя было вплетено в ткань его собственного прошлого так тесно, что распутать эти нити казалось невозможным. Двадцать лет назад, вскоре после коронации, произошло нечто, что изменило жизнь Тайлера. Ему тогда было восемь. Он помнил крики. Помнил огонь. Помнил лица людей, пришедших в их дом среди ночи, — люди с имперскими знаками на плащах. Помнил, как мать зажимала ему рот, пряча в подвале, пока над ними рушился мир. Помнил, как отец вышел навстречу пришедшим, и больше он его не видел. Помнил, как дом горел, и дым забивался в лёгкие, и слёзы текли по щекам, смешиваясь с сажей и грязью.

Они искали что-то. Кого-то. И не нашли — или нашли, но не то, что ожидали. Тайлеру удалось выжить. Остальным — нет.

В течение многих лет он пытался понять, что произошло той ночью. Кто отдал приказ. Почему их дом был выбран. Кто предал. Но все нити вели в пустоту, в глухую стену официальных архивов и подчищенных свидетельств. Он нанимал осведомителей, подкупал чиновников, проникал в закрытые хранилища — и каждый раз упирался в одно и то же: информация о той ночи была уничтожена, а люди, которые могли что-то знать, либо умерли, либо исчезли, либо молчали с таким отчаянием, что было ясно: они боятся говорить. И вот теперь, двадцать лет спустя, у него появляется шанс не просто заработать — но и задать вопросы, на которые он отчаялся найти ответы.

Тайлер подошёл к столу и высыпал монеты из мешочка. Пятьдесят золотых. Они рассыпались по столешнице, сверкая в свете догорающей свечи, и на мгновение комната наполнилась тёплым, жёлтым сиянием, которое казалось почти живым. Тайлер смотрел на это золото и думал о том, что оно может означать. Не только оплату. Не только аванс. Это был символ доверия — или проверки. Если он оставит монеты себе и выполнит задание, он докажет свою надёжность. Если попытается сбежать — его найдут и убьют. Если попытается использовать их не по назначению — последствия могут быть непредсказуемыми. Кукольник не стал бы бросаться такими деньгами без уверенности в том, что он сможет их вернуть — тем или иным способом.

Он взял одну монету и поднёс к свету. Профиль императора: тонкие черты лица, высокий лоб, аккуратная борода, корона в виде лаврового венка. Официальный портрет Драго III, знакомый каждому жителю империи. Но Тайлер знал, что официальный портрет и реальный человек могут сильно различаться. Он видел достаточно лжи в своей жизни, чтобы не доверять изображениям. Художники льстили, гравёры идеализировали, и в результате на монетах и портретах император выглядел так, как должен был выглядеть идеальный правитель, а не так, как он выглядел на самом деле. Возможно, у него был шрам на щеке, или косоглазие, или нервный тик, который тщательно скрывали. Возможно, он был ниже ростом или полнее, чем на официальных изображениях. Возможно, он вообще не был похож на этот профиль.

Интересно, как выглядит император на самом деле? Действительно ли он тот, кем себя называет? И если нет — то кто тогда сидит на троне? И какое отношение всё это имеет к той ночи двадцатилетней давности, когда дом Тайлера был превращён в пепел?

Он сжал монету в кулаке. Золото холодило ладонь, но внутри разгорался давно забытый огонь. Не гнев — гнев был слишком грубым чувством для человека его профессии. Это было что-то более тонкое и опасное. Жажда. Голод. Стремление докопаться до истины, даже если эта истина погребёт его под собой.

Тайлер убрал монеты в потайной ящик под половицей, который сам оборудовал несколько лет назад, выдолбив углубление в толстой балке и прикрыв его куском дерева, неотличимым от остального пола. В этом ящике хранились его сбережения, документы, составленные на разные имена, и несколько амулетов, которые он не рисковал носить при себе. Золото заняло своё место среди этих сокровищ, и Тайлер снова опустил половицу на место, убедившись, что она легла бесшовно. Затем он задул свечу, и комната погрузилась в темноту.

В темноте дождь звучал громче, словно стучался в стены, требуя впустить его. Тайлер лёг на узкую кровать, не раздеваясь, положив руку на рукоять ножа, спрятанного под подушкой. Сон не приходил. Вместо него в голове роились мысли, обрывки воспоминаний, обрывки планов. Он снова и снова прокручивал разговор с Орвином, анализировал каждое слово, каждый жест, каждую паузу. Кукольник. Загадочный кукловод, чьё имя произносят шёпотом. Кто он? Один из высших аристократов? Член магического совета? Или кто-то ещё, кого никто не принимает в расчёт? И почему он выбрал именно Тайлера? Случайность? Совпадение? Тайлер не верил ни в то, ни в другое.

Кукольник знал, что у Тайлера есть личные счёты с империей. Знал о его прошлом. Возможно, знал даже больше, чем сам Тайлер. И это означало, что Кукольник не просто наниматель. Он был кем-то, кто наблюдал за Тайлером. Возможно, давно. Возможно, с самого начала.

От этой мысли становилось неудобно. Тайлер привык быть охотником, а не дичью. Он привык сам выбирать свои цели, сам определять маршруты, сам контролировать ситуацию. Теперь же он чувствовал себя марионеткой, которую кто-то начал дёргать за ниточки. И это чувство было ему глубоко отвратительно.

Он встал, снова зажёл свечу и подошёл к небольшому сундуку в углу комнаты. Открыл крышку, достал старую, потрёпанную тетрадь в кожаном переплёте. Это был его личный дневник — единственное место, где он позволял себе быть откровенным. Тетрадь была исписана мелким, убогим почерком, в ней не было ни имён, ни дат, ни указаний на конкретные события — только размышления, наблюдения, фрагменты мыслей, которые он не решался доверить никому другому. Он открыл тетрадь на последней исписанной странице и пробежал глазами по старым записям.

"Девятый день месяца Жатвы. Заказ выполнен. Купец второй гильдии. Двадцать талеров. Никаких осложнений. В городе всё тихо. Слухи о волнениях в Восточных землях. Возможно, поеду туда весной."

Обычные, скучные записи. Но теперь между строк появился новый смысл. Поеду туда весной. Не придётся. Теперь у него есть занятие посерьёзнее, чем контракты на мелкую сошку. Теперь у него есть цель, которая может изменить всё.

Тайлер взял перо, обмакнул в чернильницу и начал писать. Почерк у него был мелкий, но чёткий — привычка, выработанная годами составления отчётов для гильдии, которой больше

не существовало. Он писал быстро, не задумываясь над формулировками, позволяя мыслям свободно изливаться на бумагу.

"Сегодня приходил человек от Кукольника. Предложил вывести секрет императора. Срок — три месяца. Аванс — пятьдесят золотых. Неустойка — смерть. Принято. Причины: 1) отказ означал бы смерть; 2) деньги; 3) возможность выяснить, что произошло в доме моего отца двадцать лет назад."

Он остановился, перечитал написанное. Затем добавил:

"Начать с архивов Храма Всеединого. Святоши не любят чужаков, но у отца Гэвина есть долг передо мной. Долг крови, а такие долги не прощают."

Тайлер закрыл тетрадь и убрал её обратно в сундук. Свеча догорала, и тени на стенах плясали свой бесконечный танец. Он знал, что не уснёт этой ночью. Слишком много мыслей, слишком много вопросов, слишком много страхов, которые он отказывался признавать. Вместо этого он сел на край кровати и начал планировать — методично, шаг за шагом, как делал это всегда перед сложными заданиями.

Первое: архивы Храма Всеединого. Отец Гэвин. Долг крови. Нужно прийти к нему, но осторожно, не привлекая внимания. Второе: прощупать почву в Верхнем городе, среди слуг и мелких чиновников, которые могли что-то знать о двадцатилетней давности. Третье: найти способ попасть во дворец или хотя бы приблизиться к нему. Это будет самое сложное. Императорский дворец — неприступная крепость, охраняемая не только людьми, но и магией. Простолудину туда не попасть. Нужны связи, подкуп, легенда — что-то, что позволит ему проникнуть внутрь, не вызвав подозрений.

Четвёртое: выяснить, кто такой Кукольник и почему он выбрал именно Тайлера. Это был отдельный пункт, не менее важный, чем все остальные. Тайлер не любил, когда им манипулировали, и он не собирался позволять загадочному кукловоду использовать его вслепую. Рано или поздно он найдёт того, кто стоит за этим заданием, и потребует ответов.

Дождь продолжался до рассвета. Когда первые лучи солнца пробились сквозь мутное стекло, Тайлер был уже на ногах. Он умылся ледяной водой из кувшина, переоделся в чистую, но неприметную одежду, проверил оружие. Нож в ножнах на поясе. Два метательных ножа в руках. Тонкая игла с усыпляющим ядом в подкладке воротника. Старые привычки не умирают — они становятся частью тебя, впитываются в кожу, в кровь, в кости, пока ты уже не можешь представить себя без них.

Перед уходом он бросил последний взгляд на комнату. Мешочек с золотом был надёжно спрятан. Тетрадь — тоже. Ничто не выдавало того, что ночью здесь побывал посланник Кукольника. Кроме слабого запаха ладана, который уже начинал выветриваться. Тайлер отворил окно на мгновение, впустив в комнату струю сырого воздуха, которая должна была окончательно развеять все следы ночного визита. Затем он плотно закрыл ставни и вышел, заперевав дверь на ключ.

Утренний город встречал его запахами мокрого камня, свежего хлеба из пекарен и гниющих отходов из канав. Нижний город просыпался медленно, неохотно, как старик, знающий, что новый день не принесёт ему ничего хорошего. Ремесленники открывали свои лавки, тор-

говцы раскладывали товар на прилавках, уличные мальчишки уже шныряли в толпе в поисках лёгкой добычи. Тайлер шагал по узким улочкам, машинально огибая лужи и кучи мусора, и его плащ развевался за спиной, словно крылья хищной птицы. Он не смотрел по сторонам, но видел всё — каждое лицо, каждое движение, каждую тень, которая могла таить опасность.

Храм Всеединого находился на границе между Нижним и Верхним городом — достаточно близко, чтобы простолюдины могли приходить молиться, и достаточно далеко, чтобы не осквернять святыню своей нищетой. Это было величественное здание из серого камня с высокими стрельчатыми окнами и массивными бронзовыми воротами, покрытыми барельефами, изображающими сцены из жития пророков. Тайлер не был набожным. В его мире боги, если они существовали, были слишком заняты, чтобы вмешиваться в дела смертных. Но храмы он уважал: там всегда можно было найти тишину, тень и относительную безопасность. Кроме того, священники редко задавали лишние вопросы, а если и задавали, то на них можно было не отвечать, сославшись на тайну исповеди.

Он поднялся по широким ступеням к воротам и толкнул тяжёлую створку. Внутри было прохладно и сумрачно. Свет, проникающий сквозь витражи, окрашивал каменный пол в причудливые узоры — алые, синие, изумрудные. В воздухе пахло воском и старым ладаном. Где-то вдалеке монотонно бубнил служка, читающий утренние молитвы. Эхо его голоса разносилось под высокими сводами, отражаясь от колонн и теряясь в тёмных закоулках. Тайлер прошёл вдоль ряда колонн, украшенных резными орнаментами, к боковой двери, ведущей в жилые помещения храма. Дорогу ему преградил молодой послушник в серой рясе, с бледным лицом и испуганными глазами.

— Служба ещё не началась, господин, — произнёс он с почтительным, но твёрдым тоном. — Если вы хотите помолиться, вам следует подождать.

— Я не на службу, — ответил Тайлер, и его голос прозвучал ровно, без малейшего намёка на угрозу. — Мне нужен отец Гэвин. Скажи, что пришёл Тайлер с Кривой улицы.

Послушник нахмурился, но, заметив холодный взгляд Тайлера, не стал спорить. Он исчез за дверью и вернулся через несколько минут в сопровождении пожилого священника с выбритой тонзурой и цепкими, умными глазами. Отец Гэвин был одним из тех людей, которые никогда не выглядели старыми, несмотря на возраст, — в нём ощущалась внутренняя сила, не сломленная ни годами, ни испытаниями. Он внимательно осмотрел Тайлера, и в его взгляде мелькнуло узнавание.

— Тайлер, — произнёс отец Гэвин, и в его голосе смешались удивление и настороженность. — Вот уж не ожидал. Сколько лет прошло?

— Достаточно, — Тайлер не стал тратить время на любезности. — Мне нужна твоя помощь, святой отец. Дело серьёзное.

Священник внимательно посмотрел на него, затем кивнул и сделал знак следовать за ним. Они поднялись по узкой винтовой лестнице в небольшую комнату, заставленную книжными шкафами и свитками пергамента. Пахло здесь старой бумагой, пылью и сушёными травами. Отец Гэвин закрыл дверь, плотно притворив её, и указал Тайлеру на стул.

— Говори, — сказал он, усаживаясь напротив. — Но помни: я не даю отпущения грехов и не принимаю исповеди в этой комнате. Здесь говорят только правду, иначе лучше молчать.

— Мне нужна информация, — Тайлер откинулся на спинку стула, но не расслабился — его спина оставалась прямой, а руки лежали на коленях, готовые в любой момент метнуться к оружию. — Об императоре. О его коронации. О том, что произошло двадцать лет назад.

Выражение лица священника изменилось. На долю секунды в его глазах промелькнул страх — настоящий, животный страх, который невозможно подделать. Затем он взял себя в руки, но Тайлер уже увидел то, что было нужно. Отец Гэвин знал больше, чем хотел показать.

— Ты просишь о том, о чём не следует даже думать, — тихо произнёс он. — Архивы Храма доступны только членам ордена. И некоторые разделы закрыты даже для нас.

— Я знаю, — Тайлер подался вперёд, и в его голосе появилась сталь. — Поэтому и пришёл к тебе. Ты был другом моего отца. Ты знаешь, что произошло. И ты знаешь, почему я ищу ответы.

Отец Гэвин долго молчал, глядя на сложенные перед ним руки. Его пальцы слегка дрожали, но он быстро спрятал их в складках рясы. Тайлер ждал, не торопя, понимая, что сейчас решается нечто важное. Наконец священник поднял глаза, и в них было выражение, которое Тайлер не мог расшифровать, — смесь решимости, страха и печали.

— Есть один архив, — произнёс он едва слышно. — Подземный. Он хранит записи, которые были изъяты из официальных хроник сразу после коронации. Никто не заглядывал в них уже много лет. Я могу показать тебе, как туда попасть. Но то, что ты там найдёшь, может изменить всё. Понимаешь? Не только твою жизнь. Всё.

— Понимаю, — Тайлер поднялся. — Когда?

— Сегодня вечером, после вечерней молитвы. Приходи к восточному входу. Я проведу тебя.

Тайлер кивнул и направился к выходу. У самой двери священник окликнул его, и в его голосе дрогнуло что-то, похожее на отчаяние.

— Тайлер, — голос отца Гэвина звучал как предостережение. — Будь осторожен. В этом деле замешаны силы, о которых ты не имеешь представления. Не только людские. Магия. Древняя. Запретная. Она охраняет секрет императора лучше любой стражи.

— Я уже не боюсь магии, святой отец, — ответил Тайлер, не оборачиваясь. — Я боюсь только неведения.

Он спустился по лестнице, вышел из храма и вдохнул сырой утренний воздух. Начинался новый день. И с каждым его часом тайна, окутывающая императора, становилась всё ближе.

Пепел на ветру. Так можно было назвать то, что осталось от его прошлого. Но пепел — не конец. Иногда из него рождается пламя. И это пламя уже начинало разгораться в груди Тайлера, медленно, неумолимо, как пожар, который невозможно остановить. Он не знал, куда

приведёт его этот путь — к истине, к смерти или к чему-то третьему, о чём он даже не мог предположить. Но он знал одно: отступать больше некуда. И когда он шёл по улицам просыпающегося города, его шаг был твёрдым, а взгляд — устремлённым вперёд, туда, где над крышами домов возвышались шпили Золотого Чертога, хранящего тайну, ради которой умирали люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.